

УДК 378:94(47)072

ИНФОРМАЦИЯ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЭТИКА ПОПЕЧИТЕЛЯ УЧЕБНОГО ОКРУГА (КАЗАНЬ, ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XIX ВЕКА)*

К.А. ИЛЬИНА*Казанский
государственный
университет**e-mail: glukist@mail.ru*

В статье на основе опубликованных и архивных документов рассматривается процесс складывания норм служебной этики попечителя учебного округа. Внимание акцентируется на практике обращения попечителя с таким властным ресурсом как информация, его месте в коммуникативном пространстве Российской империи.

Ключевые слова: Российская империя, система народного просвещения, первая четверть XIX века, попечитель учебного округа, власть, информация, этика.

Первая четверть XIX века для Российской империи – это время формирования новой системы государственного управления. По мысли французского философа М. Фуко, для Нового времени характерен паноптический режим властвования, когда власть знает и видит все, что происходит в рамках ее пространства. Это повлекло за собой применение новых техник властвования, что включало в себя, прежде всего, реструктурирование прежних ценностей (например, информации, знания, а также их собирателей и производителей), разработку и внедрение новых методов дисциплинирования (системы взысканий и поощрений).

Кроме того, в Александровскую эпоху в одном пространстве сосуществования оказались два разных культурно-психологических поколения людей. Г.А. Орлова, изучавшая особенности бюрократической ментальности XIX – начала XX веков, характеризует их следующим образом: с одной стороны, «добрый начальник», «екатерининский вельможа», который «управляет на основе патриархальных, отеческих отношений, не регламентированных инструкцией»¹ и для которого самая главная власть – это власть традиции. С другой стороны – «светский человек», «александровский сановник», для которого должностное взаимодействие регулируют светские нормы, а высшая власть – власть закона².

Все это вело к появлению и развитию новых критериев оценки сановника, чиновника, бюрократа, причем не только с точки зрения утилитарной пользы, но и с этической и эстетической точки зрения. Речь шла не столько об общечеловеческих моральных ценностях, сколько о создании собственного «кодекса чести» и деловой этики при отсутствии письменно зафиксированных правил (поведенческих норм). Необходимо отметить, что соизмерение действительности с умозрительным идеалом использовалось в качестве реального рычага воздействия на «нормализуемых».

В первой четверти XIX века одной из активно обсуждаемых как в императорском окружении, так и на местах проблем была организация (в широком смысле слова: то есть не только появление, но и развитие, расширение) системы народного просвещения в стране и способов эффективного управления ею. Страна была разделена на шесть учебных округов, во главе которых были поставлены университеты. Создание нового «ученого» сословия в масштабах империи требовало выработки новых,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Германского исторического института в Москве (Gerda Henkel Stiftung, проект AZ 02/SR/08).

¹ Орлова Г.А. Российская бюрократическая ментальность. 1801-1917 гг.: Дис. ... канд. псих. наук. Ростов н/Д, 1999. С. 109.

² Там же.

нехарактерных для прочих страт российского общества, норм и иерархий. Те порядки, которые в европейских университетах выкристаллизовывались десятилетиями, в их российских собратях были подчинены интересам государства, которое производило их селекцию: часть из них – заимствовались, часть – отвергались, некоторые – перекодировались, пересматривались или изобретались вновь.

Поскольку было создано Министерство народного просвещения, в России появились чиновники, функция которых заключалась в управлении просвещением. Появление нового объекта требовало выработки норм, которым должен был следовать управленец. Субъектом такой системы, обеспечивающим её функционирование, был попечитель учебного округа. В силу своего служебного положения он был фигурой посреднической. С одной стороны, попечитель был представителем (транслятором) интересов университета и ходатаем о благе округа перед министром и императором. А с другой, он должен был отстаивать интересы империи, монархии, нации в управляемом сообществе, доносить им и проверять исполнение желаний власти. «Предварительные правила» предписывали попечителю жить в столице, раз в два года объезжая свой округ. Необходимо отметить, что при отсутствии четко прописанных должностных полномочий и реальных ресурсов власти на них ложилась ответственность перед императором и обществом за «приведение в цветущее состояние»³ вверенных им учреждений и прилегающих к ним территорий.

В реалиях первой четверти XIX века попечитель сам определял принципы и ограничивал пределы своих властных полномочий по отношению к университету, сам выбирал стратегию поведения и методы воздействия на стоящих выше или ниже его в должностной или статусной иерархии, сам устанавливал «правила игры» и нормы, которых ему следует придерживаться (например, степени свободы в распоряжении той или иной информацией) – то есть вырабатывал собственный набор заповедей, собственный «кодекс» деловой этики. Перечень норм, естественно, не оставался стабильным на протяжении исследуемого времени и разрабатывался каждым попечителем во взаимодействии с окружающим его миром. В данном случае мы фокусируем внимание на выработке попечителем норм служебной этики для себя и способах их репрезентации университетской корпорации.

Попытки введения неких норм и формулировка своих позиций по некоторым вопросам в разных формах (прежде всего, стилистических) для каждого из попечителей говорит о желании глав учебного округа «упорядочить» корпорацию, сделав ее тем самым более управляемой⁴. Содержание и выражение мнения попечителей по вопросу своего положения как представителя власти и отношений с академической корпорацией зависело во многом от положения главы округа в столичном обществе и при дворе, его роли в Министерстве народного просвещения, от тех властных ресурсов (физических, организационных, социальных, психологических), которыми он располагал. Перечень устанавливаемых попечителем для самого себя и для корпорации норм и способы их внедрения нашли отражение в переписке глав округа с отдельными чиновниками университета. В нашем распоряжении находится комплекс писем попечителей первой четверти XIX века – С.Я. Румовского (1734-1812), М.А. Салтыкова (1769-1851) и М.Л. Магницкого (1778-1844).⁵

³ Эта задача попечителя была сформулирована в законодательстве, но не разъяснена. Судя текстам попечителей и профессоров, эта деятельность включала в себя не только восхваление побед просвещения в своем округе, но и постоянную работу попечителя по преобразованию вверенных ему учреждений, решению возникающих в университете и округе хозяйственных, экономических, кадровых проблем.

⁴ См. Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова под ред. И. Борисовой. М., 1999. С. 268-269.

⁵ Переписка попечителей С.Я. Румовского и М.А. Салтыкова с профессором физики Броннером была опубликована Д.И. Нагуевским в 1902 году (Нагуевский Д.И. Профессор Франц Ксаверий Броннер, его дневник и переписка. Казань, 1902. 504 с.) и переведена в 2003 году И.А. Цыганковым (Нагуевский Д.И. Профессор Франц Ксаверий Броннер, его Дневник и Переписка. 1758-1850 / Д.И. Нагуевский; пер. с фр. И.А. Цыганкова. Казань, 2003 297 л. // ОРПК НБ КГУ. № 10114.). Письма попечителя М.Л. Магницкого опубликованы нами в 2006 году (Ильина К.А. Попечитель учебного округа // Нефор-

Обращает на себя внимание самопрезентация попечителя в письмах, представление о своей роли в жизни университета, жизненная установка и личностная позиция: самосохранения, имидж неудачника или победителя. В результате, для университетской корпорации Казани попечитель и его деятельность в Петербурге предстала совершенно под разными углами зрения. С.Я. Румовский, в силу возраста, а на момент вступления в должность в 1803 году ему было 69 лет, не предпринимал активных действий. Он показывал Министерство народного просвещения и его совещательный орган – Главное правление училищ, членами которого были, кроме назначенных императором лиц, все попечители учебных округов, строгим и требовательным как в научном, так и в дисциплинарном смысле. По письмам М.А. Салтыкова, последние два года попечительства (1816 и 1817) занятого личными проблемами и своей несостоявшейся ролью в министерских «играх», складывается впечатление, что во время исполнения служебных обязанностей в Петербурге он ощущал себя в аду, где ему чинились всевозможные препятствия. В письмах М.Л. Магницкого Министерство и его органы изображались как более-менее управляемое главой округа на благо университета учреждение, что объяснялось активной позицией попечителя и большим весом в Главном правлении училищ⁶.

Главное правление училищ выступало полем конкурентной борьбы для попечителей, местом демонстрации силы власти, управленческих навыков и их успешности. И здесь в качестве символического капитала выступали и происхождение, и образование, и опыт государственной службы, и связи, и личное обаяние, и умение договариваться, и везение вовремя оказаться в нужном месте в нужное время.

Роль и степень влияния в Министерстве, способ видения себя и презентации своей состоявшейся или нет «начальственной» роли подчиненным – все это влияло на представление попечителя и его респондентов о доступных главе округа властных ресурсах и спектре возможных действий. Это было некой «нормой», данностью на определенное попечительство и именно эту константу приходилось учитывать чиновникам университета. Как показывают письма попечителей Салтыкова и Магницкого, первое университетское начальство позволяло себе игнорировать (особенно это удавалось директору университета и гимназии И.Ф. Яковкину и ректору И. Брауну), а второму беспрекословно подчинялось.

В отношении с корпорацией роль Румовского можно охарактеризовать как позицию проводника: трансляция распоряжений власти, сопровождающаяся некоторыми рекомендациями. Послания Салтыкова позволяют наполнить понятие «попечитель» нравственным содержанием: попечитель прописывал моральные и этические принципы, которым он должен следовать. Они имели два источника: Евангелие («забыть оскорбления и делать все для наших врагов») и личный опыт попечителя («осторожно обращаться с недоброжелателями», «я полагал, что можно делать добро безнаказанно, и я сразу же увидел, что является опасным этого желать»). Но при отсутствии поддержки министра все попытки Салтыкова наладить рабочие (а не дружеские, в чем он преуспел с помощью переписки с профессором физики Ф. Броннером) отношения с корпорацией не были успешными. Точка зрения Магницкого на отношения с корпорацией характеризуется, в первую очередь, тем, что попечитель иногда как бы инкорпорировал себя внутрь нее, используя местоимения «мы», «наши», когда хотел похвалить, а иногда отгораживался от нее с помощью противопоставления

мальные практики властвования в Казанской губернии (первая половина XIX века) / А.Н. Бикташева, М.Х. Гизатуллин, К.А. Ильина. Казань, 2006. С. 100-226). Кроме того, в разрозненном виде письма попечителей и ответы на них хранятся сегодня в казанских архивохранилищах – Национальном архиве Республики Татарстан и Отделе рукописей и редких книг научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского КГУ. Отдельные письма сохранились в Государственном архиве Российской Федерации, Отделе письменных источников Государственного исторического музея, Отделе рукописей Российской национальной библиотеки им. М.А. Салтыкова-Щедрина.

⁶ См. Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802-1902. СПб., 1902. С. 110.

местоимений «я» и «вы». Он пытался расширить горизонты университетских чиновников до размера своих собственных (а они сводились, по сути, к выработке единой образовательной политики и стратегии управления округами), вписать Казанский университет не только в общее образовательное пространство Российской империи (постоянно сравнивая его с Московским и Петербургским, говоря о преемственности преобразований для всех университетов), но и в просвещенное пространство Европы (отправляя профессора астрономии И.М. Симонова в кругосветное плавание, командировав профессоров в европейские страны, выбирая почетным членом университета императора Австрии). Достаточно жесткой была позиция попечителя по поводу существования «партий» и «фаворитства» в университете, конфликтов среди членов академического сообщества. В одном из писем Магницкий привел некую формулу корпоративности: «всем лишним связям предпочитать благо университета как условия, к которому каждый член его привязан быть должен».

При различии взглядов на действительность и методов воздействия попечителей их переписка в один комплекс объединяла одна цель – обмен информацией об университете (о господствующих в нем нормах, о спорах). Попечители осознавали, что информация – это достаточно мощный ресурс власти и стремились овладеть им. Однако чтобы добиться результата (для попечителя это – эффективное управление учебным округом) было важно не только оценить важность ресурса, но и почувствовать его ограничения, то есть уметь использовать его.

Анализ переписки в этом направлении выводит исследователя на следующие вопросы: источники информации и векторы ее распространения в образовательном пространстве империи; что для главы округа являлось информацией и на что можно было пойти для того, чтобы ее добыть (моральные рамки); каковы границы информации как властного ресурса (то есть способы распоряжения новыми сведениями и причины для подобных действий).

Движение информации в коммуникативном пространстве попечителей учебных округов отнюдь не исчерпывалось строгой, описанной в законодательстве иерархической схемой «император – министр – попечитель – университет – округ». Скорее, оно напоминало паутину со множеством разнонаправленных (вертикальных, горизонтальных, диагональных) и перекрещивающихся коммуникативных потоков.

В центре этой «информационной» паутины находилось Главное правление училищ. Тематика разговоров участников заседаний Правления училищ, аргументация предложений и проектов, созданные ими документы дошли до нас в виде архивных коллекций фонда Главного правления училищ в Российском Государственном историческом архиве, публикаций в официальном органе министерства, сборниках распоряжений и постановлений. Целый ряд материалов позволяют понять роль Правления училищ как места обсуждения и реализации попечительских инициатив. В них зафиксировалось направление и процесс принятия решений в Правлении, механизм создания прецедента для последующих нововведений.

Попечитель, исходя из своего положения в служебной иерархии, был связан постоянными коммуникациями с министром народного просвещения, с одной стороны, и с руководством университета, с другой. Попечители поддерживали постоянную связь с подведомственными им учебными округами. Переписка велась с управляющими органами университета и местным начальством (например, с ректором и директором университета, а также лицами, исполняющими их обязанности). Кроме того, постоянными респондентами попечителей часто становились некоторые профессора, к мнению которых, по той или иной причине, глава округа прислушивался. Таким образом, существовало несколько параллельных вертикальных информационных (коммуникативных) потоков между попечителем и вверенным ему университетом. В данном случае глава округа оказывался своеобразным «фильтром» информации между Главным правлением училищ и академической корпорацией. Именно попечитель брал на себя ответственность и решал, какие сообщения достойны вни-

мания министерских чиновников или других лиц (экспертов в разных областях, например), а с какими он разберется самостоятельно.

Судя по министерским журналам, особого внимания заслуживали отчеты, иллюстрирующие «успехи народного просвещения». Под «успехами» до 1817 года, прежде всего, понималось увеличение количества учебных заведений империи, о чем свидетельствует буквально почасовое описание их торжественных открытий. Журнал – своеобразная «доска почета» для лиц, сделавших пожертвование, перечень всех назначенных или отличившихся учителей и профессоров. Особым разделом помещался список изданных книг. Видимо, в сознании современников каждое вновь открытое училище, каждый новый учитель, каждая изданная книга ассоциировалось с шагом к победе просвещения и «истинного света» над необразованностью и варварством. Конкурировать с ними по частоте упоминания могут только отношения министра о назначении пенсионера выходящим в отставку после долгой службы (от 20 до 30 лет) преподавателям округа, а также, в случае смерти последних, их вдовам и сиротам. Это, по-видимому, должно было демонстрировать заботу государства об ученом сословии. В журналах первой половины 1820-х годов большое внимание уделяется научным и литературно-нравственным сочинениям, что объяснимо спецификой образовательной политики этого периода.

Кроме того, было некоторое различие в том, что включали в «успехи» и представляли «идеальным», показательным для других попечители разных округов. Так, попечитель Харьковского округа граф Северин Потоцкий представлял в Правление подробные описания завершающих торжественных актов университета с перечислением фамилий студентов. Попечитель Дерптского университета Федор Клингер демонстрировал статистику учащихся. Попечитель Николай Новосильцев заявлял о том, что выпускники Петербургского Педагогического института становятся учителями в разных училищах империи. Таким образом, главы округа демонстрировали свою силу и информированность не только самим себе и коллегам, но и рекламировали подведомственный им университет читателям журнала.

Находящийся в нашем распоряжении комплекс писем казанских попечителей позволяет говорить о том, что попечитель также «отбирал» информацию, транслируемую в округ. Некоторые вопросы он решал сам и уже потом представлял в университет результат. Иногда необходимость самостоятельных решений попечителя, которые часто характеризуются дореволюционными историками как единоличные или авторитарные, диктовалась отсутствием времени на сношение с корпорацией. Дело в том, что между отправленным письмом и ответом на него проходило минимум 4-5 недель. За это время в столице могли произойти кардинальные изменения. Вследствие этого, отправленная попечителем в округ информация устаревала, и мнение «ученого сословия» оказывалось мнением по несуществующему вопросу.

Кроме «горящих» вопросов, без обсуждений «спускались» указы императора, постановления министра и Главного правления училищ, причем некоторые из них попечитель считал нужным подробно и неоднократно растолковывать и «изъяснять» в письмах университетским чиновникам. Те вопросы, которые не требовали сиюминутного разрешения, попечитель отдавал на обдумывание академической корпорации.

Часть информации, предоставляемой в округ, носила «неформальный» характер. Она включала в себя сообщения о продвижении университетских дел, факты биографии некоторых профессоров и претендентов на эти должности, высказывания и мнения попечителя о своих коллегах по министерству и о происходящих в Петербурге событиях, рассуждения о смысле жизни. Подобные замечания, нацеленные на демонстрацию доверия и дружеских чувств главы округа к респонденту, встречаются как в форме заметки (оговорки), так и достаточно подробного рассказа. Здесь необходимо заметить, что в Казани и без писем попечителя ходило немало слухов о петербургской жизни главы округа – «новостей», предоставляемых его якобы «друзьями» и «знакомыми». Так, в одном из писем профессор Франц Броннер поздравил не-

давно потерявшего жену попечителя М.А. Салтыкова с новой влюбленностью и готовящейся свадьбой, что последнему пришлось опровергать в ответном послании.

Иногда информация, относящаяся к жизни образовательного пространства империи, поступала к попечителю от ректоров или профессоров «чужого» округа. Подобные коммуникативные потоки активизировались в случае, например, перевода профессора из одного университета в другой (как это было с профессором Казанского университета И. Нейманом в январе 1811 года, когда за него ходатайствовал попечитель Дерптского университета)⁷ или по личной инициативе последнего (как в случае с казанским профессором Василием Перевошиковым, который послал петербургскому попечителю С.С. Уварову свое сочинение)⁸.

Кроме того, архивные материалы Казани позволяют зафиксировать еще два информационного потока вертикальной направленности, исключаящие попечителя округа как действующее лицо коммуникации. Один из них возник по инициативе профессора Броннера между ним и министром народного просвещения (его переписка с А.К. Разумовским сохранилась) по предложению попечителя, а другой – между руководством университета и министром. Второй поток мог быть вызван двумя причинами: либо отсутствием у округа попечителя (в связи со смертью последнего), когда Совет должен был относиться по всем делам прямо к министру, либо нежеланием ректора подчиняться попечителю (упоминание о подобном случае содержится в письмах М.А. Салтыкова).

Функция горизонтального движения информации (общение попечителей между собой на заседаниях Главного правления училищ) состояла в выработке и достаточно часто распространении на все университеты законодательно зафиксированных норм, на которые впоследствии опирались как сами главы округов, так и их преемники. Решения Главного правления училищ распространялись на пространство империи двумя путями: или заявка одного попечителя поддерживалась аналогичными заявками других, либо Правление (то есть все попечители вместе) предписывало распространить принятое решение на все округа автоматически.

Кроме устного общения, попечители поддерживали и письменную связь. Известны письма Н.Н. Новосильцева, С.О. Потоцкого, С.С. Уварова, адресованные С.Я. Румовскому и посвященные кадровым вопросам. С точки зрения неформальных практик управления и границ использования властных ресурсов, интересно письмо петербургскому попечителю С. Уварову от главы Московского учебного округа, написанное 11 апреля 1811 года. П.И. Голенищев-Кутузов просил своего коллегу, во-первых, передать присланный с этой же почтой «пакет с официальными бумагами» министру (то есть задействовать неформальные связи, так как министр народного просвещения А.К. Разумовский был тестем С. Уварова) и, во-вторых, ссылаясь на интриги, что плетут против него недоброжелатели в министерстве, проследить, чтобы подаваемые им документы нигде не задерживались и не оседали⁹. Говоря о приближенном к министру «недоброжелателе», Голенищев-Кутузов, вероятно, имел в виду И. Мартынова, правителя канцелярии Разумовского. Здесь можно оговориться, что несколько далеко не лестных пассажей о Мартынове встречается в письмах казанского попечителя М. Салтыкова. Н.И. Греч в своих мемуарах утверждает, что и сам Разумовский, будучи попечителем, ненавидел Мартынова, но пересилил свое отношение к нему, став министром¹⁰. Этот сюжет упирается в проблему служебной этики министра и тех рамок, которые тот для себя устанавливал.

Таким образом, попечитель учебного округа был человеком, в руках которого находился колоссальный объем информации. Ее он мог использовать в своих целях:

⁷ Периодическое сочинение об успехах Народного просвещения. СПб., 1811. №30. С. 76.

⁸ ОПИ ГИМ (Отдел письменных источников Государственного исторического музея). Ф. 17. Уваровы. Оп. 1. Ед. хр. 89. Письма С.С. Уварову разных лиц. Л. 20-21.

⁹ Там же. Л. 36-37.

¹⁰ Греч Н.И. Записки о моей жизни. М., 1990. С. 220-221.

на благо вверенного университета, для нужд собственной карьеры, в качестве отговорки, расширения объема собственной власти. В то же время, знание требовало ответственности. Решения, принимаемые каждым попечителем относительно корпорации, способы управления информацией, озвучиваемые действия по отношению к равным по статусу влекли за собой рождение неких норм поведения (профессиональной этики) представителей власти в определенных ситуациях и способствовали законодательному структурированию и организации просвещенного пространства Российской Империи.

INFORMATION AND PROFESSIONAL ETIQUETTE OF THE CURATOR OF THE EDUCATIONAL DISTRICT (KAZAN, THE FIRST QUARTER OF THE XIX CENTURY)

K.A. ILYINA

Kazan State University

e-mail: glukist@mail.ru

On the basis of the published and archival documents the author considers the process of formation of the office ethics norms of the educational district curator. The attention is accented on practice of the reference with such imperious resource as information and its place in the communicative space of the Russian Empire.

Key words: Russian Empire, system of national education, the first quarter of the XIX century, power, curator of the educational district, information, ethics.